

Леонид Лейзеров

Родился в г. Орле в 1955 году. После окончания средней школы № 26 поступил в Орловский филиал Московского государственного института культуры на факультет культурно-просветительной работы. Затем окончил Орловскую региональную академию государственной службы по специальности юрист. Работал на разных должностях в областном Управлении культуры, областном и городском Центрах культуры, системе областного кинопроката. Его рассказы и очерки публиковались в периодике, выходили отдельными книгами. Повесть самопознания «Путь» и сборник рассказов «Программа старого Абрама» были написаны в соавторстве с А.В. Воробьевым.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ТЕАТР?..

С чего начинается театр?..

Конечно, с вешалки. Во всяком случае, так считал великий К.С. Станиславский, хотя свой театр Константин Сергеевич начал с «системы».

Вот и мой театр, и театр ещё тридцати одного студента первой в Орле театрально-режиссерской группы МГИК – Московского государственного института культуры – начался с системы... Системы бережной уборки картофеля.

– Дык как же тебя зовут-то, деточка?.. – удивленно спросила бабка.

– Александр! – гордо ответил юноша.

– М-м-м, значит Мгика – это твоя фамилия, – указывая на трафарет на фуфайке, сообразила женщина. – Откуда ж ты будешь, милый, с Молдавии или из татариннов?..

«Деточка» почему-то покраснел, напрягся, попытался что-то промямлить, но положение спас друг:

– Из урусов он, мать. Очень маленький и очень гордый народ, по обидке могут и хату спалить, и главное – им за это ничего не будет. Очень малочисленный народ – охраняются законом.

Бабка торопливо перекрестилась и выставила на стол договорные две полулитры мутной, почти молочного цвета деревенского свекольного первача пол-литра парного молока, сообщив, что молоко – это подарок.

Жизнь в нашем первом студенческом отряде была простой и незатейливой. Подъём, что-то похожее на туалет, плотный завтрак и вперед, в борозду, вверх пятой точкой.

Нам с товарищем повезло, ну, во всяком случае, нам тогда так показалось. По малолетству и полному отсутствию опыта деревенских работ нас и двух городских девчонок определили помогать поварихе на кухне. Плёвое дело – наносить воды, нарубить дров, почистить картошку и лук и получить какую-нибудь вкусность со скворчащей сковородки, якобы на пробу. Но ёмкость для воды оказалось 900-литровой квасной бочкой, а родничок, из которого её надо было наполнять, хоть и был рядом, но под горой, на которую и без вёдер не сразу вскарабкаешься, так что колхозные полуторки объезжали её кругом, делая петлю в три километра.

С картошкой, наверное, всё было бы проще – мы с Сашей её чистили мастерски.

* * *

И вот, наконец, долгожданная учёба. Актерский тренинг по системе Станиславского. Упражнения и этюды так называемой «работы актера над собой», построенной на овладении «инструментом веры».

Красиво звучит? Вот и мне это очень нравилось. Но студийцам Станиславского, ставшим основой актерского ансамбля МХАТа, не приходилось отвлекаться на истории СССР и КПСС, клубоведение и философские учения как материалистические, так и идеалистические. На литературу, педагогику, психологию и иностранный язык и т.д., и т.п... Мы учились в условиях, приближенных к боевым.

Не раз в повседневной жизни нас выручали театральные опыт и знание «системы». Как вывести главное событие из череды поступков, направленных на достижение определённой цели. В чём заключается сквозное действие. Если ты желаешь достичь определенного результата, с помощью каких приемов удержать темп, чтобы не потерять напор действий, направленных на достижение поставленной цели. Как правильно организовать мизансцену, чтобы тебе поверил самый недоверчивый оппонент. Да многое, что мы, того не подозревая, получили в свой жизненный, интеллектуальный багаж.

... – Товарищ лейтенант, я же вам объясняю, мы студенты театрального факультета и у нас завтра зачет по сценическому движению...

– Ничего себе зачет – зубы крошить! Хорошо хоть без поножовщины обошлось.

– Холодное оружие у нас на втором курсе, – угрюмо сообщил вихрастый парень.

– Замечательно... – констатировал лейтенант милиции.

– Вы что же себе думаете? – вмешался в разговор старший сержант. – Мы театр от хулиганки не отличим? Ты бы видел, Петрович, как он того хрясть по морде, хрясть, так он на газон аж на три метра отлетел, а тот этого ногой по яй...

– Ну-у-у...

– Ну, по причинному месту – хлесть, так этот чуть в реку не свалился.

– Товарищ лейтенант, ну это же постановка... Нам, конечно, лестно, что мы даже товарища сержанта смогли убедить, а ведь он можно сказать эксперт в этих вопросах.

– А собственно говоря, что нам инкриминируют?

– Это кто же здесь такой грамотный, – улыбнулся лейтенант.

В суматохе полемики мы и забыли про наших девчонок. В райотдел милиции забрали только парней и то мы еле уместились в два милицейских «бобика», а девчонки – молодцы не бросили нас, своим ходом дотрюхали. И теперь, вон как бойко Светка шпарит.

– Я староста группы и со всей ответственностью заявляю, что это не хулиганские действия, а постановка площадного театра. На сцене, то есть на сценической площадке, все трезвые, синяков и ссадин нет, пострадавших нет. Да, мы виноваты, что не заявили вам заранее, но мы и не виноваты, мы не могли вам заявить заранее, так как вы и были нашим главным зрителем, нашим экспертом. Мы ведь так и решили: если вы поверите, то и наши педагоги поверят.

Когда нас отпускали, сержант всё качал головой и недоверчиво бубнил: «Спектакль, постановка, не всерьёз... Да я же сам видел».

Я тогда на всю жизнь запомнил этого сержанта, который поверил в мой сценический образ наперекор логике, здравому смыслу, наперекор раскрытым тогда нюансам и секретам сценического боя. Он поверил мне, исполнителю, и эту веру в великое искусство перевоплощения уже ничем нельзя было убить.